

В мире штормит

Бури и их эхо

Как бы ни стараться быть оптимистом, не удаётся игнорировать сигналы тревоги, которые приходят из разных регионов Земли: то из Украины или России, то из Ближнего Востока или Среднего, то из Африки, то в связи с Китаем... Эти сигналы говорят о региональном неблагополучии, об опасных процессах даже буре в развивающейся стране или сразу в группе таких стран. Но не только. Тревожные процессы затрагивают и наиболее экономически развитые страны: Европу, США и даже Японию, Австралию и т.д., т.е. страны сравнительно, так сказать, более благоустроенные. В этих странах внешние сигналы звучат вроде эхо долгой отдалённой грозы, но время от времени дают о себе знать и в них – кровавыми побоищами терактов.

Нервные реакции этих народов вряд ли объяснимы только соболезнаванием соотечественникам, погибшим в терактах, или исключительно коммерческими заботами. Опасные процессы происходят вне этих стран, но воспринимаются их народами как нечто аномальное, слишком грубо противоречащее их глубинным гуманистическим представлениям о поведении человека в обществе, об устройстве общества. Эти представления далеко не всегда воплощаются на практике и в этих странах, но идеи об универсальности равенства всех людей и народов, о справедливости, о естественном стремлении к благополучию в большинстве голов сидят крепко.

Бок о бок разное

Воздерживаясь от рискованной попытки слишком определённо классифицировать страны, разделим их очень упрощённо всего на две категории и, не называя конкретных стран, будем далее для краткости обозначать страны, внушающие алармистские опасения, **А-странами** и сравнительно стабильные, благополучные страны **Б-странами**.

В результате шокирующих внешних процессов народы Б-стран время от времени берут на себя ношу противодействия этим процессам. Это приводит к многочисленным жертвам, на это расходуются громадные ресурсы, но противодействия, как показывает опыт, толком не получается, его эффективность мала или вовсе отсутствует. Проблемы всё равно не решаются, в лучшем случае дыры временно подштопываются, в худшем возникает опасный хаос. Тому пример: после победы в войне с хусейновским Ираком американцы внедряли там демократию западного образца, и в совершенно неподходящей среде это привело к вооружённой борьбе ранее правившего меньшинства суннитов против демократически пришедшего к власти шиитского большинства. Другой пример – ошибочное, по недавнему признанию Президента США, вмешательство в Ливии, которое привело страну к хаосу, а Европу к приёму оттуда беженцев.

Попутно. Какая разница Б-странам, кто командует в Сирии, теперешний диктатор-алфавит или некий будущий суннит, который, став, как и теперешний, диктатором, постарается выставить себя, вероятно, большим, чем он, демократом? Хотелось бы понять, откуда, из каких традиций или из какой потребности общества, возьмётся в Сирии мирное демократическое устройство?

Призывы к умиротворению и затем даже к действия в этом направлении порождаются, как правило, самыми лучшими прекраснодушными намерениями, но повторяющиеся неудачи приводят к печальному сомнению. Напрашивается вопрос, не стоит ли как-то изменить взгляд общественности Б-стран на возникающие внешние проблемы, изменить подход к ним. Не требуется ли выработать иную концепцию отношения к процессам, происходящим вне этих стран, процессам, которые выглядят в Б-странах или обнадеживающе, или отвратительно, или того хуже – угрожающе?

Но прежде чем составить хотя бы предварительное мнение на этот счёт, попытаемся конкретизировать проблемы, опираясь на некоторые факты.

О БЫВШИХ КОЛОНИЯХ

На протяжении нескольких последних тысячелетий колонизаторская практика была повсеместной. В явном виде она прекратилась всего несколько десятилетий назад: обе мировые войны вели в той или иной мере колонизаторы, и они во многом были направлены на передел зависимых народов, условно говоря, – колоний. Только после второй из этих войн рост национального самосознания в колониях, поддержанный с разными целями, но на редкость дружно деятельностью США и СССР, привёл большинство колоний к самостоятельности. Впрочем, это явление не новое: обретение самостоятельности имело место и раньше. Например, будущая Россия, которая в виде княжеств с середины 13-го века была вроде колонии Золотой орды, с 15-го века развивалась самостоятельно, а США образовались на колониальных территориях Великобритании, затем Испании в конце 18-го века.

Бывший колониальный народ, обретая самостоятельность, пытался развивать свои общественные отношения в русле того образца, который ему продемонстрировал колонизатор. Наиболее яркие тому примеры: США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, которые восприняли традиции их бывшей метрополии – Великобритании (Канада – ещё и Франции), где движение к демократии началась ещё в 13-м веке.

Возможно и иное. Пример – в России. Она тоже многое восприняла и сберегла до сегодняшнего дня от Золотой орды и самое важное – непререкаемую приверженность интересам могущества государства и жёстко централизованной системе управления им и его подданными, увенчанной единоличным властителем. Такого рода порядок, вероятно, был необходим для безграничной Золотой орды и для начальных веков России, но в ней его ценность и сегодня представляется неизмеримо большей, чем ценность благополучия населения и тем более ценность интересов отдельной личности, интересов образовательных, культурных, медицинских, бытовых, общественных.

Попутно. Основное, что требовалось властителям Орды от русских княжеств, была дань, а язык в восточной версии славянского, теперь он – русский язык, и христианство тоже в восточной версии – православие мало затрагивались Золотой ордой и развивались (язык – с сильной примесью слов Орды). И на протяжении всех шести с небольшим веков независимого Московского княжества и затем России сохранялось обожествление подчинения властям. Тем не менее, параллельно этому правители страны старались воспринять технологические достижения Европы, а её высший класс – ещё и европейский образ жизни и культуру. Как следствие 19-ый век принёс в Россию сомнение в разумности самодержавия и вместе с тем – поразительные достижения в области русской художественной литературы: Пушкин, Толстой, Чехов. Если нужна иллюстрация российской пропасти между новой культурой и традиционной жестокостью, можно вспомнить рассказ Л.Толстого «После бала».

Сегодняшнее вмешательство России в жизнь Грузии и Украины, аннексия части их территорий смотрятся как прямое следствие сохранения этих старинных представлений, уже изжитых в обществах, более продвинутых к благополучию. Оно, как недавно поняли народы Б-стран, определяется не овладением сопредельными территориями, а созидательным трудом населения на своей собственной территории и добровольным экономическим взаимодействием с другими народами.

Попутно. Заметим кстати, что, несмотря на владение Россией громадным арсеналом ядерного оружия, её опасность миру несколько ограничивается как раз наличием в ней очень жёсткого управляющего центра, члены которого совсем не те романтики, которые в экзальтации склонны к самоуничтожению.

На территориях недавних колоний, свернувших с путей, начатых при колониализаторами, возникают множество коллизий и главная из них – религиозные и социальные движения больших вооружённых народных масс, не зря воспринимаемые как опаснейший источник грядущего хаоса. Эти новые процессы, как видно, требуют выработки нового и достаточно определённого отношения со стороны Б-стран. Но, об этом дальше.

Исламская экзотика

Фундаментальные ценности ислама, имея возраст в 14 веков, тем не менее для своих адептов вечно молоды и даже сегодня совершенно непререкаемы. Для них ислам не только религия, но и идеология, свод законов, определяющих жизнь внутри исламского общества и его взаимодействие с внешним миром, миром иноверцев или атеистов. В священных текстах ислама, как сообщают изучавшие их, вполне можно почерпнуть бескомпромиссную нетерпимость к любым иноверцам («неверным»), даже призывы к их уничтожению, причём всё это экспансионистски не ограничено географически. В древних текстах исламист черпает всесторонние практические указания на все случаи современной жизни. Нетерпимость и даже такое боевое дело, как джихад, имеют глубокую идеологическую основу в исламе, и эта основа – что-то вроде важнейшего морального долга лично и непосредственно участвовать в создании идеального мира, мира без иноверцев.

Исламская категоричность, вероятно, помогла выжить народу в своё время, но теперь с точки зрения общественности Б-стран выглядит экзотически. Понятно, что людям иудейско-христианского мира крайности радикальной ветви ислама представляются просто-напросто изуверством. Несмотря на это исламский фундаментализм вполне актуален, и это видно хотя бы по тому, например, что почти треть турок-мусульман (как сообщается, согласно их опросу в Германии) считает нужным вернуться к укладу жизни времён зарождения их религии, т.е. на 14 веков назад. А каков этот уклад большинству этой трети известно, полагаю, разве что по красивым стилизациям приключенческих кинофильмов.

К счастью, в исламском мире имеются и сторонники умеренности. Они склонны учитывать изменения в мире, возникшие в ходе веков, и поэтому, будучи искренне религиозными, тем не менее не разделять фундаменталистского радикализма, уважать взгляды иноверцев и подчиняться светским законам стран пребывания.

Попутно. Кстати говоря, не только умеренные исламисты, но и радикальные совсем не брезгают современными техническими средствами, рождёнными в Б-странах.

В регламентировании не только личной религиозной жизни ислам не одинок. Иудаизм ещё раньше ислама сформулировал массу конкретных предписаний, касающихся жизни в обществе. Но он выделяет

народ Израиля среди прочих, и поэтому эта религия изначально не мессианская, а чисто национальная. Её предписания не навязывают нетерпимости: евреи давно привыкли жить среди людей других религий. Среди иудаистов тоже немало фундаменталистов, но их помыслы обращены скорее в сферу религиозной жизни, а не на общественную жизнь.

Ужасаясь крайностям исламистов, надо всё же принять во внимание относительность оценок. Например, для очень многих, даже, надо думать, для большинства людей Земли, как и для меня, казни путём публичного отрубания головы совершенно отвратительны. Но так ли далеки мы от этого? Совсем нет. Всего два века назад французская революция публично рубила головы совершенно лихо. Затем стали умерщвлять путём повешения, потом удобнее стало расстреливать, ещё позже для этого применили электричество, теперь – инъекцию яда. А недавно во многих обществах, более того, вообще отказались от смертной казни. Всё это свидетельствует о росте гуманности людей. И тем не менее: вспомним тоже недавнее жесточайшее уничтожение миллионов мирных людей (в большинстве – евреев) во время второй мировой войны, уничтожение, в осуществлении которого участвовала рядом с немцами масса людей самых разных европейских народов от Франции до России. Вспомним уничтожение миллионов своих подданных правительствами СССР, Камбоджи, Китая. Вспомним, каким образом всего 10-20 лет назад дважды воевали с сепаратистами в Чечне или с какими жестокими эксцессами распадалась Югославия. Так почему же мы так презрительно поражены происходящим?

Исламский взрыв

Итак, на части территорий Ирака и Сирии несколько лет назад возникло общественное образование, которое в мире Б-стран воспринимают как экстремистское, экспансионистское и даже террористическое. В России его воспринимают только как таковое: даже его название запрещено упоминать без указания на то, что оно является террористическим. Между тем, оно само считает себя именно государством (исламским государством – ИГ) и действительно контролирует некоторую территорию, имеет органы государственного управления, армию и т.п.

Что же мешает рассматривать ИГ как состоявшееся государство? Думается, два обстоятельства. Во-первых, оно располагается по крайней мере на части территорий Ирака и Сирии, т.е. его признание привело бы к пересмотру сложившихся границ, а это сложно, затрагивает много интересов и рассматривается как дурной пример. (Аналогичны причины всеобщего отказа дать статус государства или хотя бы какой-то автономии курдам, проживающим на территориях Ирака, Сирии и, вдобавок, Турции.) Во-вторых, оно компрометирует себя, объявляя своей идеологией экстремистское следование самой радикальнейшей идеологии, своей целью – безграничную экспансию и своим методом борьбы – не только привычные для всех военные действия, но террористические акты, которые осуществляются в разных странах и, в частности, в Б-странах.

Что касается террора, который учиняет ИГ, то поражает не сам факт, а размах террора. Действительно террор – вполне обычное оружие слабой стороны, применяемое испокон веку. Вспомним свежие примеры: народовольцев России 19-го века или партизан 20-го века в СССР, в Польше, во Франции, в Югославии.

Попутно. Я жил в Москве на довольно спокойной улице, которая огорчительно называется улицей Кибальчича – в честь, как ни странно, учёного-изготовителя террористических бомб для народовольцев. Раздвоенное сознание полагает, что он – несправедливо казнённый герой, а в современной Москве подобный специалист – просто злой преступник. В связи с этим вспоминается пародия 30-х годов на отзыв о каком-то писателе из «бывших»: «он одной ногой стоит в прошлом, а другой приветствует будущее».

Обратившись к случаю ИГ, видим очевидную асимметрию: с его стороны война ведётся простейшим вооружением и религиозной истовостью, а его противники без всяких препятствий, хладнокровно, под управлением новейших средств разведки и управления метают бомбы с совершеннейших воздушных аппаратов и издалека направляют ракеты. И ИГ отвечает оружием бедных – стрельбой на поле боя и ужасом самоубийственного террора по отношению к мирным европейцам. С точки зрения ИГ идёт тотальная война, в которой тыл противника – тоже фронт (подобно второй мировой).

С ИГ воюют многие страны и даже обширные коалиции, они как будто имеют успехи и, может быть, разгромят армии ИГ. Но будет ли это настоящей победой над ИГ, какой была, например, победа над нацизмом? Создаст ли победа долговременное спокойствие, смогут ли нормально существовать затронутые войной мусульманские страны? Думается, рассчитывать на это было бы ошибкой: скорее всего, лишь загонят сторонников ИГ в подполье. Потому что ИГ – не просто шайка авантюристов, а порождение соблазнительной для многих идеологии, которая ничуть не более уязвима, чем идеология пролетарского интернационализма Ленина и Троцкого или фашизма Муссолини и социализированного расизма Гитлера. Показательно, что эта идеология настолько сильна, что привлекает в армию ИГ не только жителей Ближнего востока или, шире, мусульманских стран, но и мусульман из дальних Б-стран, а также даже молодёжь из коренного населения этих стран. В результате с ИГ приходится бороться не только авиации и не только военным советникам Б-стран, но и внутри этих стран – их разнообразным полицейским службам. После многочисленных ужасных событий, от террористической диверсии пятнадцатилетней давности в Нью-Йорке до недавнего теракта в Ницце, как не усомниться в успешности всех этих усилий?

Уместно спросить себя, где находится питательная среда распространения радикальной исламской идеологии. Пытаясь ответить себе на этот вопрос, не нахожу более подходящего понятия, чем комплекс неполноценности. Он проявляется различно в А-странах и в Б-странах.

Сначала о Б-странах. В них есть люди, и их число вполне заметно, которые ощущают себя аутсайдерами. Конечно, это особенно характерно для эмигрантов. Адаптироваться, тем более интегрироваться в ментально новой среде трудно, удаётся далеко не всем, тем более не все становятся своими в этой среде, тем более не в первом поколении и даже не во втором или третьем. А если человек желает сохранить свою идентичность, национальную или религиозную, не желает ассимилироваться? Последняя часть этого пути, стать своим, особенно трудна для человека, внешне отличного от людей коренного населения. Отсюда возникает неудовлетворённость жизнью, комплекс неполноценности, в чём человек склонен винить не себя, т.е. не негибкость своего мышления, не свою закрытость от нового для него мира, в который он прибыл слишком не подготовленным, а только новую среду. А она, эта среда Б-стран, до последнего времени была в целом нейтрально-благоприятной, хотя переселенец, конечно, временами наталкивался и на несправедливость, и на неприязнь (а разве коренные жители никогда не встречаются с этим?). И всё же многим приезжим эта среда кажется несправедливо враждебной. Не раз замечал, что первоначальная идеализация новой среды, преувеличенные ожидания приветливости наряду с упомянутой внутренней закрытостью порождают у неопита аутсайдерский конфликт, а в мусульманской среде он

ведёт к подпаданию под идеологию радикального ислама и затем, не исключено, к его практике террора.

С сожалением приходится признать, что очень значительная часть террористических исламистских актов, если не большинство их, выполняются вовсе не из-за границы и не вновь прибывшими, а теми, кто, как-то освоившись, уже успел разочароваться в достижении счастья в окружающей среде Б-страны. А вознесённые на вершины познания мира проповедники, украшенные вдобавок бородами и сединами, подсказывают ему лёгкий и почётный выход: отдавая радость самоотверженной борьбы, отомстить обидчикам и войти в рай неслыханных посмертных наслаждений! Как не вдохновиться этим и не поступить согласно известной клятве: «и как один умрём в борьбе за это»?

Попутно. Пушкин сказал, что Отелло не ревнив, а доверчив. Польский исследователь Шекспира (забыл фамилию) приблизительно то же самое выразил иным языком: как неопит в среде белых Отелло доверчиво преувеличивал благонравие общества и, открывши реальное коварство, заблудился в отщепенстве.

Сегодняшняя ситуация неблагодарного пренебрежения чуждым обществом не нова. М.Ю. Лермонтов негодовал по сходному поводу почти двести лет назад:

И что за диво?.. издалика,
Подобно сотням беглецов,
На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока,
Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы;
Не мог шадить он нашей славы:
Не мог понять в тот миг кровавый
На что он руку поднимал!..

Германия, имея в 2015 году двадцатимиллиардный профицит бюджета, конечно, может накормить-одеть миллион переселенцев и дать им жильё и медицинское обслуживание. Она даёт им ещё и возможность несколько сот часов бесплатно познавать немецкий язык на организованных для них курсах. Удастся ли всей этой армии вновь прибывших мусульман безболезненно или хотя бы бесконфликтно влиться в немецкую среду? Это очень и очень сомнительно.

Попутно. Не вполне ясно, зачем беженцев учить немецкому языку. Разве что предполагается, что они никогда не смогут или не пожелают вернуться на свою родину? Но тогда они – не беженцы, а переселенцы. Что же касается эффективности предлагаемых курсов, то в целом она невелика: преподаватели по незнанию языка курсантов не могут ни объяснить трудности немецкого языка на родном им языке, ни тем более опереться на аналогии из этого языка, а взрослому освоить иностранный язык просто с голоса, как осваивают родной язык дети, доступно лишь при редкости больших способностях.

Не все народы А-стран ставят перед собой задачу войти в ряды Б-стран, а среди тех, которые не чужды такой задаче, не многим удаётся хотя бы приблизиться к решению. Путь этот долгий, трудный, требует от народа единодушия в упорстве и терпении. Даже Польша и Венгрия, такие исторически продвинутые страны, спустя уже 25 лет свободы от зависимости от СССР и от коммунистической идеологии ещё далеки от жизненного уровня западных соседей. Есть страны (Турция, Египет), движение которых от А к Б идёт волнами: модернизаторский прилив с приближением к светскому обществу и относительной демократии сменяется отливом в сторону диктатуры с исламским уклоном. Есть народы, как будто свыкшиеся с диктатурой, с исламским фундаментализмом и, большинство из них, – с бедностью. На самом же деле, видя пример Б-стран, они ощущают бедственность положения и ищут возможность какого-то улучшения, но вместо перспективы трудного движения в сторону Б-стран им подсовывают путь, который

кажется более привлекательным, – к исламскому государству и к его величию за счёт экспансии.

Исход многих сотен тысяч людей из А-стран и их напор на границы Б-стран кажется каким-то беспримерным катаклизмом. Это действительно катаклизм, но совсем не беспримерный. История даёт бесчисленное количество примеров того, как орды из прежних А-стран, стремясь улучшить свою жизнь, взламывали границы соседних Б-стран и во многих случаях подчиняли их себе. В этом отношении район ближневосточного междуречья (теперешний Ирак и прилегающие земли), где несколько тысячелетий назад начался прогресс человечества, многократно являлся лакомой добычей для всевозможных пришельцев. Ирония судьбы: междуречье, будучи долго благополучным за счёт земледелия на искусно орошаемых землях, бесконечно подвергалось экспансии, а теперь, имея богатство не земли, как раньше, а нефти, тем не менее, само генерирует её. А как не всегда успешно отбивался Китай от северных кочевников, даже построил пограничную стену? Как Римская империя пала под напором варваров? Как Европа отбилась от монголов, а потом долго не без потерь отбивалась от турок? Как Византийская империя исчезла под натиском сначала арабов, затем турок?

Существует мнение этнографов, что причиной экспансии Б-стран является их перенаселённость. Она в мусульманских странах вызвана теперь и религиозным запретом противозачаточных средств, отсюда – многодетность, и заимствованием из А-стран хотя бы элементарных медицинских навыков, отсюда – резкое уменьшение детской смертности, не сопровождаемое, к сожалению, соответствующим развитием экономики. В результате образовалась масса молодых людей, которые не могут найти применения у себя в стране и, персонально или будучи организованными государством, бросаются вовне на поиски лучшей жизни. Где? Конечно, экспансией к соседям и инфильтрацией в Б-страны. Поскольку же эта инфильтрация заряжена не только экономически, но и со всей страстью религиозно, т.е. идейно, то она имеет реальную склонность превратиться в стремление экспансионистски переделать страны-приёмники на новый лад. На мусульманский.

На вопрос: так что же делать, – видно не так уж много ответов. Но эта тема достойна отдельного текста.

Представлено 25.09.2016

Изменено 23.01.2017

